

РАГОЗИНА Елена Владимировна



**МОДАЛЬНОСТЬ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ  
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

10.02.01 — русский язык

**АВТОРЕФЕРАТ**

**диссертации на соискание ученой степени  
кандидата филологических наук**

3011  
Работа выполнена в Российском государственном университете им. И. Канта.

Научный руководитель — доктор филологических наук, профессор  
Ваулина Светлана Сергеевна

Официальные оппоненты — доктор филологических наук, профессор  
Гехтияр Светлана Яковлевна  
(Брянский государственный университет)

кандидат филологических наук, доцент  
Колобкова Лариса Валентиновна  
(РГУ им. И. Канта, Калининград)

Ведущая организация — Волгоградский государственный университет

Защита состоится 24 июня 2008 г. в 14.00 часов на заседании  
диссертационного совета К 212.084.04 при Российском государственном  
университете  
им. И. Канта (236000, г. Калининград, ул. Чернышевского, 56, факультет  
филологии и журналистики, ауд. 231).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Российского  
государственного университета имени Имануила Канта.

Автореферат разослан 22 мая 2008 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ



0000467794

О.Л. Кочеткова

Реферируемая диссертационная работа посвящена исследованию модальной специфики вопросительных предложений в современном русском языке.

Наш выбор **темы** исследования обусловлен рядом обстоятельств.

Во-первых, языковая модальность, являясь одной из ключевых категорий, устанавливающих связь предложения-высказывания с внеязыковой действительностью и реализующих его коммуникативный потенциал, характеризуется активным интересом к ней со стороны исследователей и «устойчиво сохраняется как признанный предмет дискуссий» (А.В. Бондарко). Причем интерес к данной категории особенно возрос в последние десятилетия, когда «в языкознании прочно утвердился функциональный подход и отчетливо проявилось последовательное внимание к человеческому фактору как важному экстралингвистическому компоненту языковых преобразований» (С.С. Ваулина). Смена ориентиров в современной лингвистике и последовательная антропоцентрическая направленность лингвистических исследований обусловили в свою очередь необходимость пересмотра и корректировки традиционных взглядов на различные языковые явления, в том числе и на модальность, которая многими исследователями в последнее время стала квалифицироваться не только как функционально-семантическая, но и как коммуникативно-прагматическая категория. В плане сказанного безусловную **актуальность** приобретает изучение аспектов модальности, участвующих в формировании целевой установки речи, к числу которых принадлежит модальность вопроса. Однако при весьма обширном количестве исследований, посвященных категории модальности, достаточно скромный «удельный вес» имеют работы, в которых затрагивается проблема модальности вопросительных предложений (см., например: А.А. Шахматов, Т.П. Ломтев, Г.А. Золотова, И.П. Распопов, И. Б. Шатуновский, Х.Р. Мелиг). Вероятно, это связано с тем, что специфика взаимодействия семантики, структуры и интонации в указанных синтаксических конструкциях проявляется настолько необычно в каждой конкретной репрезентации, что исследователи весьма осторожно обходятся с предположениями и выводами относительно модальности вопросительных предложений (Г.А. Волохина, З.Д. Попова). Фактически на сегодняшний день можно говорить об отсутствии у исследователей единства мнений относительно статуса вопросительной модальности как самостоятельного фрагмента категории модальности, о чем может, в частности, свидетельствовать то, что даже сам термин «вопросительная модальность» в лингвистической литературе не получил официального закрепления.

Во-вторых, внимание к прагматическому аспекту модальности закономерно вызвал активный интерес ученых к изучению модальности текста, получивший отражение в целом ряде публикаций различного, в том числе монографического характера (Г.Я. Солганик, В.Н. Мещеряков, Т.А. Сергунина, Е.В. Ермакова, Т.В. Романова и др.) и позволил выявить ряд существенных аспектов модальности применительно к некоторым функционально-семантическим стилям. Однако авторы большинства имеющихся исследований данного направления ограничиваются преимущественно обращением к тек-

стам какой-либо одной жанрово-стилистической принадлежности (см., например, Е.Н. Базалина, А.Р. Мухтаруллина, Е.А. Зверева, Е.В. Левшина, А.В. Месечко, В.Н. Степанов, И.В. Островерхая, И.А. Трофимова, Ю.В. Гапонова). Анализ же категории модальности на основе комплексного наблюдения над функционированием вопросительных предложений в текстах различной жанровой принадлежности, насколько нам известно, ранее не проводился.

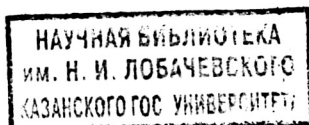
Таким образом, вышеизложенные факты раскрывают **актуальность** настоящей диссертационной работы.

**Актуальным**, на наш взгляд, является также **объект** исследования – вопросительные предложения. Если подходить к рассмотрению вопросительного предложения как к «медали о двух сторонах», то одной стороной выступает его бесценный познавательный потенциал, обеспечивающий переход от незнания к знанию: «вопрос – первое, исходное звено познавательного процесса. Всякий полноценный акт познания заключает в себе вопрос» (Ф.С. Лимантов). Другой стороной является отражение через вопрос сущности говорящего как субъекта и установление контакта с окружающим миром. Так, по образному выражению современного русского писателя В. Пелевина, вопрос можно назвать «мостом понимания, перекинутым от человека к человеку». Такое интеллектуально рафинированное определение вопроса весьма точно отражает сущность вопросительного предложения-высказывания как, пожалуй, единственной синтаксической конструкции, способной привести участников речевого общения к согласию, а не к конфронтации. Поэтому, на наш взгляд, не только общенаучное, но и общекультурное значение имеет исследование любого аспекта вопросительного предложения, в том числе и его модальной семантики, являющейся непосредственным **предметом** анализа в данной работе.

**Цель** диссертационной работы – раскрыть модальную специфику вопросительных предложений; обосновать статус вопросительной модальности как прагматического фрагмента общей категории модальности.

Достижению указанной цели подчинено решение **следующих задач**:

- рассмотреть структурно-семантический статус вопросительного предложения;
- проанализировать существующие классификации вопросительных предложений в аспекте категории модальности;
- на основе междисциплинарного подхода охарактеризовать функционально-семантический статус вопросительной модальности как фрагмента языковой категории модальности;
- установить и проанализировать план содержания вопросительной модальности;
- охарактеризовать и проанализировать модальную специфику составных значений модальности вопросительного предложения в рамках его функционально-семантических типов;



- установить план выражения рассматриваемых модальных значений и охарактеризовать особенности их функционирования;
- рассмотреть степень и характер зависимости модальной семантики вопросительных предложений от жанрово-стилистической принадлежности исследуемых текстов.

Цель и задачи диссертационного исследования определили выбор комплексной **методики** анализа, включающей следующие методы и приемы:

- метод структурно-семантического описания вопросительного предложения;
- метод контекстуального анализа;
- метод функционально-семантического анализа;
- метод дифференциации;
- метод жанрово-стилистического сопоставления;
- метод количественных подсчетов;
- приемы гипотетической интерпретации и трансформации.

Кроме того, в процессе анализа привлекались данные толковых словарей русского языка, философских и лингвистических энциклопедических изданий.

**Материалом** для исследования послужили данные картотеки объемом 5000 единиц (предложений-высказываний с соответствующим контекстом в виде ответов), извлеченных методом сплошной выборки из текстов общероссийских и региональных газет, научных журналов и современных художественных произведений.

**Научная новизна** диссертации определяется тем, что в ней впервые проведено комплексное исследование модальности вопросительного предложения; установлен функционально-семантический статус вопросительной модальности как одного из фрагментов языковой категории модальности; охарактеризован план содержания и план выражения данного типа модальности.

**Теоретическая значимость** диссертационного исследования заключается в том, что содержащиеся в нем наблюдения и выводы способствуют дальнейшей разработке теории модальности как функционально-семантической и коммуникативно-прагматической категории. Рассмотрение модальной семантики вопросительного предложения в условиях его текстового функционирования позволяет дополнить теоретические сведения о модальности текста и внести определенный вклад в исследование текста как особой лингвистической категории.

**Практическая значимость** диссертации заключается в возможности использования материалов и выводов исследования в лекционных вузовских курсах по современному русскому языку (раздел «Синтаксис»), функциональной грамматике, в спецкурсах и спецсеминарах по проблемам языковой модальности, по лингво-стилистическому анализу текста, а также в практике школьного преподавания при изучении синтаксиса и стилистики.

**Апробация результатов** исследования. Основные положения работы обсуждались на заседаниях кафедры истории русского языка и сравнительного языкознания Российского государственного университета им. И. Канта, докладывались на ежегодных научных семинарах аспирантов данного университета (2006; 2007), на Международных конференциях «Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению» (Калининград, 2007), «Взаимодействие и сосуществование литературного языка и говоров русского и других славянских языков» (Воронеж, 2008), «Языковая семантика и образ мира» (Казань, 2008), на II Научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингвистики, психолингвистики и лингводидактики» (Орск, 2008).

#### **Положения, выносимые на защиту:**

1. Модальность вопросительного предложения определяется наличием в его структуре как диктумного, пропозиционального, так и модусного, прагматического компонентов.

2. Вопросительная модальность является особым типом модальности. Специфика вопросительной модальности определяется структурно-содержательными особенностями вопросительного предложения, основой которого является обязательное ожидание эксплицитно и/или имплицитно выраженного ответа, направленность на такой ответ.

3. План содержания модальности вопросительного предложения соответствует принципу «триединства», согласно которому пропозициональная модальность представлена ядром (объективной модальностью) и периферией (ситуативной модальностью), а прагматическая модальность реализует субъективные модальные значения.

4. Специфику составных значений модальности вопросительных предложений следует рассматривать в рамках функционально-семантических типов последних. В вопросительных предложениях первичной функции состав модальных значений неизменен, «триедин», основу их модальной семантики составляют объективная и ситуативная модальности, а субъективная модальность носит периферийный характер. В вопросительных предложениях вторичной функции состав модальных значений непостоянен и зависит от типа вопроса. При этом основу их модальной семантики составляет субъективная модальность, представленная многогранной эмотивной палитрой.

5. План выражения модальности вопросительных предложений представлен обширным набором эксплицитных средств (формы глагольного наклонения, специализированные сочетания с модальными глаголами и предикативами, частицы, союзы, вводные слова, а также средства художественной выразительности при выражении значений субъективной модальности).

6. Характер конкретных модальных значений в вопросительных предложениях имеет определенную соотношенность с жанрово-стилевой спецификой текста.

**Структура и краткое содержание работы.** Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, включающей список использованной научной лите-

ратуры, перечня источников, а также приложения в виде таблиц и диаграмм, иллюстрирующих полученные результаты исследования.

Во **введении** дается обоснование актуальности темы диссертации, определяются объект, предмет, цель и задачи исследования, содержится характеристика материала и методов его анализа, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются положения, выносимые на защиту.

В *первой главе «Теоретические предпосылки исследования»*, состоящей из 3 параграфов, представлены теоретические основания работы: сложившиеся в науке концепции вопросительного предложения, вопросы, связанные с установлением и описанием его модальной специфики; рассматриваются теоретические вопросы дискуссионного характера, имеющие непосредственное отношение к исследуемой в работе проблеме, а также формулируются и обосновываются исходные теоретические позиции относительно статуса вопросительной модальности как прагматического фрагмента общей категории модальности.

В *первом параграфе «Вопрос о структурно-семантическом статусе вопросительного предложения»* рассматриваются основные подходы к пониманию вопроса и вопросительного предложения, выявляются ключевые аспекты семантики вопросительного предложения и устанавливается его структурно-содержательный объем.

Отправной точкой выявления специфики вопросительной конструкции служит исследование вопроса как логической категории, состоящей «из имплицитно выраженного исходного суждения-констатации и вопроса» (Г.В. Беркап), которое позволяет выделить два составных компонента, заложенных в основу семантики любого и, в частности, вопросительного предложения, а именно – диктума и модуса. Обозначенная логико-семантическая сущность вопросительного предложения, обладающего не только специфической формой, но и функционально-содержательной спецификой, позволяет исследователям включать в сферу анализа семантики данной конструкции аспект его целеполагания. А поскольку любой вопрос «содержит задачу и выражает целенаправленный поиск для ее решения» (Д.М. Ахундов), то становится очевидным интерес исследователей к ответу как результату такого поиска. Направленность вопросительной конструкции на ответ следует расценивать как специфическую структурно-семантическую особенность вопросительного предложения, поскольку «под значением вопроса надо понимать совокупность ответов, которые допускаются этим вопросом» (Н. Белнап, Т. Стил). Расчет на реакцию со стороны собеседника, предполагающийся в процессе задавания вопросов, заставляет многих исследователей (Ф.Ф. Фортунатов, А.М. Пешковский, Д. Гордон, Дж. Лакофф, А.Е. Супрун) сближать вопросительные предложения с побудительными, однако нами разделяется точка зрения А. Вежбицкой, которая выделяет главный компонент вопроса – желание знать нечто, а в побуждении – желание повлиять на кого-либо. Кроме того, поскольку вопросительные предложения нередко рассматриваются и как трансформы повествова-

тельных предложений, мы, вслед за Н.Т. Сычевой, признаем, что формальные и семантические различия разных структурных типов предложений – повествовательного, вопросительного, оптативного и побудительного – столь существенны, что изменить одно в другом никак нельзя».

Определение самоценности вопросительной конструкции и ее специфичности соотносится и со всесторонним изучением речевых актов в исследованиях в русле новых направлений лингвистики – прагматики и когнитивной лингвистики, благодаря чему можно говорить о том, «что вопрос диалогичен и реплики в диалоге представляют собой единое целое и с точки зрения структуры, и с точки зрения значения» (Н.Г. Гольцова, И.В. Шамшин).

Формулируя в своей работе тезис об априорности ответа в любой вопросительной конструкции, мы учитываем, что наличие ответа в рамках вопросительного предложения – не бесспорный факт, поскольку вопросительные предложения вторичной функции исключают ответ: «в своих вторичных функциях вопросительные предложения ориентированы не на получение ответа», а на передачу позитивной информации» (Русская грамматика – 80). Однако на основании междисциплинарного подхода, дающего возможность воспользоваться теоретическими положениями таких наук, как психология, психолингвистика и логика (см., например, работы Р.М. Фрумкиной, Н.М. Тимченко, И.Н. Кузнецова, Е.П. Хидешели), мы считаем правомерным признание за всеми вопросительными предложениями наличия как эксплицитно выраженного, так и имплицитно заложенного ответа.

Во *втором параграфе «Соотношение категории модальности и вопроса»* на основе функционально-семантического подхода к анализу языковых фактов рассматривается модальность, квалифицирующаяся нами как широкая семантическая категория, содержательный объем и функциональная иерархия значений которой определяются смысловой двuasпектностью предложения (его номинативным (пропозициональным, диктумным) и коммуникативным (прагматическим, модусным) аспектами). С этой позиции проводится рассмотрение классификации вопросительных предложений и вопроса о модальном статусе вопросительного предложения, изложенное в нижеследующих подпараграфах исследования.

В *подпараграфе 2.1 «К проблеме классификации вопросительных предложений в аспекте категории модальности»* указываются ключевые для соотнесения с категорией модальности аспекты традиционных классификаций вопросительных предложений, в основе которых лежат разнообразныe принципы, причем учет структуры вопросительного предложения для нашего исследования представляет такой же интерес, как и семантический, логический и функциональный аспекты, поскольку мы находим правомерным мнение о том, что «вся грамматика в целом, фактически со всеми ее разделами мыслится... как сложная система соответствий между смыслами, составляющими содержание речи, и внешними формами выражения этих смыслов их (смыслов) фор-



мальными показателями» (Л.В. Щерба). Исходя из основных, тезисно представленных в данной работе классификаций, мы отмечаем модальный фактор реальности/ирреальности (Х.Р. Мелиг), объективный и субъективный факторы (А.Г. Поспелова и Л.П. Чахоян, А.М. Ломов, П. Адамец, Т.В. Губарева) и ряд других факторов, проявлению и дополнению привычных представлений о которых способствует исследование критериев разграничения вопросительных предложений.

Благодаря интересу к прагматике в ряде классификаций (Я. Хинтика, В.Г. Гак, О.Н. Хачапуридзе, Л.А. Азнабаева и Г.М. Агопова, В.И. Карасик) учитывается фактор адресата как получателя информации, а также рассматриваются прагматические основания функционирования вопросительной конструкции. Это дает нам возможность суммировать и сопоставить данные выводы и результаты с положениями о прагматическом компоненте модальности вопросительного предложения.

Особое внимание уделяется работам ученых, рассматривающих проблему классификации вопросительных предложений с учетом их модальности (И.И. Распопов, А.М. Ломов, М.Н. Орлова и др.), что позволяет уточнить представление о содержательном объеме модальности в целом и о значениях достоверности/вероятности (И.И. Распопов, А.М. Ломов), модальности правдивости (Чешская русская грамматика – 1979), а также обозначить немаловажный факт обладания некоторыми вопросительными предложениями, кроме основной, вторичной модальности (сомнение, уверенность, маловероятность) (М.Н. Орлова).

Суммируя мнения ученых данных работ, мы признаем тот факт, что ограничение нашего исследования рамками классификации только одного конкретного направления не представляется правомерным в связи с неоднозначной характеристикой многих аспектов как структуры, так и семантики вопросительного предложения. Исходя из того, что основными признаками при классификации вопросительных конструкций для выявления их модальной специфики должны выступать, с одной стороны, функционально-семантические особенности и, с другой стороны, формально-синтаксическая организация данных конструкций, мы дифференцируем вопросительные предложения в аспекте категории модальности с учетом их функционально-семантической специфики, выделяя собственно вопросительные и несобственно вопросительные предложения, соответствующие первичной и вторичной функциям соответственно, и с учетом формально-синтаксической организации, которая позволяет выделять структуры с формально выраженными или невыраженными компонентами.

В подпараграфе 2.2 *«Вопрос о модальном статусе вопросительного предложения»* рассматривается вопрос о правомерности выделения категории вопросительной модальности в качестве прагматического фрагмента общей категории модальности. Анализируя различные точки зрения на модальность вопросительного предложения (А.А. Шахматов, А.М. Пешковский, Э. Бенвенист, А.А. Реформатский, И.П. Распопов, А. М. Сколкова, Л. Писарек, Г.А. Золотова, Т.П. Ломтев, М.К. Милых,

Г.Э. Щербань, Л.Г. Фридман, Л.Г. Кадомцев, Т.М. Алисова и др.) и определяя собственную позицию по данному вопросу, мы основываемся на принципе антропоцентризма науки, позволяющего исследователям фиксировать и анализировать ту «живость языкового сознания, которая превращает язык в зеркало мира» (Н.Д. Арутюнова). Новое понимание языковой ситуации и, соответственно, новый подход к анализу различных аспектов модальности дают возможность рассматривать модальность вопросительной конструкции с учетом ее прагматического приоритета и с довольно необычным для синтаксических конструкций последствием – неперенным порождением продолжения семантики – ответной синтаксической конструкции (хотя иногда выраженной нулевой формой – но не нулевым содержанием!), акцент на который был сделан выше. Разделяя в нашей работе позицию ряда исследователей в отношении содержательного объема прагматического модального пласта (Л.В. Колобкова, И.Ю. Кукса, И.А. Демидова, Ю.В. Гапонова), согласно которой в число основных содержательных компонентов прагматической модальности включаются субъективная модальность, вопрос и волеизъявление, мы определяем в качестве базисного основания вопросительной модальности прагматический модальный пласт, фиксирующий целеполагание вопросительной конструкции – ожидание ответа, направленность на ответ.

Во второй главе **«Модальная характеристика вопросительных предложений первичной функции»**, состоящей из двух параграфов, определяется специфика составных значений модальности вопросительных предложений первичной функции, а также устанавливаются особенности их реализаций, что позволяет наметить ключевые аспекты модальных отношений, являющиеся базовой основой существования и функционирования как самой категории модальности в целом, так и вопросительной модальности в частности. Это касается в первую очередь значений объективности и субъективности, вопрос о разграничении которых является одним из спорных моментов в понимании содержательного объема категории модальности. Разделяя точку зрения ученых о достаточно условном разграничении объективной и субъективной модальности (В. Гумбольдт, Б. Расел, Т.И. Дешериева, С.С. Ваулина, Г.П. Немец, Т.И. Краснова), поскольку «сферы субъективного и объективного ... всегда взаимосвязаны и категория модальности представляет собой диалектическое единство объективного и субъективного» (П. Эслон), мы полагаем, что данная проблема утрачивает свою остроту применительно к вопросительным конструкциям, возникающим в речевой практике как результат сугубо субъективного осмысления информации и служащим «коммуникативным каналом» между субъектами, в связи с чем следует признать приоритетным значение субъективности, присутствующей в семантике любого вопросительного предложения. Вместе с тем, следуя традиции в понимании категории модальности (В.В. Виноградов, Г.А. Золотова, В.З. Панфилов, В.Г. Гак, В.Н. Бондаренко), мы выделяем объективную и субъективную модальность, имея при этом в виду, что объективная модальность представляет собой модифицирующую категорию, основные признаки которой

выражаются в виде грамматического наклонения, а субъективная модальность характеризуется высокой степенью присутствия в ней эмотивного компонента. Объективная модальность образует наряду с ситуативной категорию пропозициональной модальности. Ситуативная модальность, представляющая собой периферию пропозициональной модальности, включает частные значения возможности, необходимости и желательности.

Наблюдение над функционированием вопросительных предложений в текстах различной жанровой принадлежности дает нам возможность выделить три типа значений вопросительной модальности в рамках вопросительных предложений первичной функции: объективную модальность, объективную модальность с наложением значений ситуативной модальности и субъективную модальность, накладывающуюся на пропозициональную модальность, в результате чего возникает большое разнообразие основных и частных модальных значений в рамках каждой отдельной репрезентации. Кроме того, анализ фактического материала показал, что предложения с вопросительным компонентом и без такового по-разному проявляют себя в отношении реализации как одного из основных модальных значений – значения реальности/ирреальности, так и соотношения других модальных значений, в связи с чем мы рассматриваем указанные группы предложений раздельно.

В первом параграфе «*Модальные значения и специфика их реализаций в предложениях с вопросительным компонентом*» указанные значения рассматриваются с учетом положения о том, что внутренняя структура вопроса содержит особые вопросительные элементы, выражающие стремление говорящего выяснить информацию относительно конкретного проявления сущности ряда предметов, лиц, их признаков, пространственных и временных границ, места действия и т.п.. Каждый вопросительный компонент, таким образом, содержит какую-то неопределенную «информацию», которая должна быть реализована, раскрыта в ответе, поскольку они «обозначают просьбу указать элемент» (Ю.И. Левин). Данный факт предопределяет характер объективной модальности, которая составляет основу модальной семантики предложений с вопросительным компонентом и реализуется в значении реальности. Ср.: «*Но кто является субъектом рефлексии в учебной деятельности?*» (Вопр. психол.); «*Что такое духовная культура?*» (Вопр. философ.); «*А какие книги сформировали вас?*» (Вопр. лит.). «*Почему у него такое лицо знакомое?*» (Улицкая); «*Когда американцы покинут Ирак?*» (Комс. правда).

Среди основных значений ситуативной модальности наиболее частотно реализуемым является модальное значение возможности, выражающееся с помощью различных (преимущественно лексических) средств, преобладающим из которых является модальный глагол *может*. Ср.: «*Как долго может вращаться этот порочный круг?*» (Вопр. психол.); «*В чем могут различаться исходные позиции развивающихся детей, которым*

предстоит стать носителями производственной и индуцированной на них деятельности?» (там же).

Модальные значения желательности и необходимости также реализуются преимущественно с помощью лексических экспликаторов, доминантное положение среди которых занимают модальный глагол *хотеть* и модальные предикативы *должен, нужно, надо*. Ср.: «Почему ты *хочешь* в ВУЗ?» (Комс. правда); «Какие новообразования в мышлении школьников и в какой последовательности *должны* сформироваться на последних степенях образования?» (Вопр. психол.); «Чего *нужно* добиваться в жизни?» (Вопр. философ.).

Периферию занимают конструкции с модальным значением субъективности, возникающей в первую очередь при употреблении модальных частиц, поскольку общей функцией всех модальных частиц является передача ими разнообразных оттенков субъективной модальности, а также выражение эмоционально-оценочной окраски. Наиболее частотными являются репрезентации с частицей *же*, зафиксированные нами преимущественно в текстах монологической речи научного стиля и помогающие автору «разбавлять» строгость, скрупулезность и педантичность указанного стиля, подчеркивая и демонстрируя собственное наличие «человечности», уравнивая собственный интеллект и интеллект адресата, тем самым способствуя реализации основного назначения любого текста: чтобы этот текст был прочтен. Ср.: «*Что же* случилось с Екатериной Павловной?» (Вопр. лит.); «*Что же* за рифму искал, по его мнению, Ленский?» (там же); «*Что же* происходит, когда возникают рефлексивные описания нашего поведения?» (Вопр. философ.). Особо яркую выразительность вопросительные предложения приобретают при включении в свою структуру различных лексико-грамматических средств и средств художественной выразительности, например, метафор, олицетворений и приема контраста, подчеркивающих личностную заинтересованность адресанта в акте коммуникации. Ср.: «Каков фасон *словесных одеяний* мысли или ее *поэтический костюм*?» (Вопр. психол.); «Почему детям так *плохо*, если психологам все так *хорошо*?» (там же). Кроме того, такой распространенный в публицистике (особенно в жанре заголовка) прием создания экспрессивно-эмоционального подтекста, как игра слов и использование крылатых слов и выражений, получает при функционировании вопросительных предложений («второе дыхание»: пик субъективности подчеркивается уровнем интеллектуальности адресанта. Ср.: «Зачем искать *«изюминку»* в *виноградинке*?» (Комс. правда); «*Кто разбудит Будовского*?» (там же); «Субсидии: *кто виноват - и что делать?*» (там же).

**Второй параграф «Модальные значения и специфика их реализаций в предложениях без вопросительного компонента»** посвящен рассмотрению и описанию модального рисунка конструкций, отличительной особенностью которых является наличие вопроса, направленного на выяснение того, что абсолютно неизвестно говорящему, то есть для того, кто спрашивает, два ответа репрезентируют равнозначную альтерна-

тиву. На этом основании можно сделать вывод о том, что проблема необходимости выбора в вопросительных предложениях представляет собой ирреальный вариант, так как отсутствует как таковая, поскольку этот выбор всегда будет за адресатом, то есть конечная «точка над *i*» будет за ответной конструкцией – а не за вопросительной. Ср.: «Ты кого-нибудь из наших *видишь?* – спросила после паузы Нелли. [ - Да нет... ]» (Пелевин); «Кавказ русских *не ждет?*» (Аргументы и Факты); «[Одна из женщин спросила:] Вы *жена Сахарова?*» [Да... ] (там же). Благодаря ирреальной семантике альтернативы объективная модальность рассматриваемых конструкций реализуется в значении ирреальности, причем наклонение глагола оказывается далеко не единственным критерием определения реальности/ирреальности конструкций, поскольку преимущество остается за семантикой альтернативы. Проведенный анализ фактического материала позволяет нам сделать вывод о том, что семантика гипотетичности, свойственная ирреальной модальности, находит свое выражение в двух формальных вариантах, представленных конструкциями с компонентом *или* и без такового компонента, рассмотрению которых посвящены *подпараграфы 2.1* и *2.2* нашей работы.

В *подпараграфе 2.1 «Конструкции с компонентом или, явственно обозначающие альтернативу из двух вариантов»* анализируется модальная специфика указанных предложений, рассмотрение семантических особенностей которых позволяет говорить об оттенке неуверенности адресанта в однозначном факте, поскольку несколько возможных вариантов имеют равные шансы быть истиной и говорящий предлагает два наиболее вероятных, ожидая от адресата выбора и подтверждения своих мыслей, потенциально не исключая какой-то третий вариант. Переводя сказанное в плоскость модальности, можно утверждать, что значение ирреальности, реализуемое объективной модальностью в вопросительных конструкциях с компонентом *или*, обозначено не только содержательно, но и формально. Ср.: «Прямо сейчас *или* позже?» (Комс. правда Калининград); «В *восемьдесят четвертом – или восемьдесят пятом?* – [именно ее все лето крутил старенький катушечный «Маяк»...] (Пелевин); «А вы пишете от руки *или* на компьютере?» (Вопр. лит.); «Охотники *или* жертвы?» (Комс. правда). Применительно к исследуемому материалу важным для нас является учет того, что лексическим экспликатором объективной модальности являются глаголы изъявительного наклонения прошедшего, настоящего и будущего времени. Ср.: «А *будет* организация «заточена» под какие-то результаты *или* останется в рамках имиджевого проекта?» (Рос. газета); «Одесские катакомбы *сохранились* *или* вы для съемок *рыли* новые?» (Известия); «А фильмы Феллини тоже *входят* в число твоих эстетических приоритетов, *или* просто *сложилось* так?» (Известия). Зафиксированный факт позволяет отойти от традиционно стереотипа в обосновании значения реальности/ирреальности глагольным наклонением и рассматривать процесс указанного обоснования в более широком ракурсе.

Весьма важным представляются также наблюдения над употреблением конструкций со значениями ситуативной модальности. Анализ фактического материала показал,

что частотность их функционирования весьма ограничена и представлена единичными случаями со значением необходимости. Ср.: «В следующем году эта инфляционная гонка остановится *или надо* готовиться еще туже затянуть пояс?» (Аргументы и Факты) и конструкциями с независимым инфинитивом, например: «Беда с суставами... Смириться *или* победить?» (там же). Данный факт мы объясняем тем, что в группе вопросительных предложений с компонентом *или* преобладающими конструкциями, с точки зрения структуры, являются номинативные предложения, модальная семантика которых не обладает способностью отражать значения необходимости, возможности или желательности, зато представляет интерес в плане выражения субъективного модального значения. Ср.: «[Извечный вопрос «Кто мы?】 - Европа *или* Азия?» (Филол. науки); «Как вы считаете, сама конференция – результат чувства ответственности *или* чувства вины журналистского сообщества?» (Росс. газета); «Социальное познание - старт *или* финиш?» (Вопр. психол.); «Интеграция психологии: утопия *или* реальность?» (там же). Такой «прыжок через само собой разумеющееся» (И. Бродский), позволяющий автору передать эмоциональность, экспрессию, собственное равнодушие при рассмотрении той или иной темы, и предопределил доминантное по частотности употребления положение вопросительных предложений со значением субъективной модальности. Еще более количественно объемную группу с указанным значением составляют предложения с парцелляцией, сгущенный сплав субъективности в которых «можно считать саморефлексией по поводу уместности подготавливаемого говорящим сообщения» (Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев). Ср.: «Однако ведь было же что-то? *Или* не было?» (Пелевин); « «Московский агитатор» в беседе ... сказал...? *Или* восхищенный добротой русского революционера Каррера так развил мысль своего соотечественника?» (Филол. науки); «Это дно? *Или* хуже?» (Известия).

В подпараграфе 2.2 «**Конструкции без компонента *или*, передающие вероятностный характер и скрытую альтернативу, состоящую из двух и более вариантов**» излагается структурно-семантическая характеристика указанных конструкций, на основе которой обосновывается реализация их модальной специфики. При этом, основываясь на приоритете интонации как основном средстве решения коммуникативной задачи рассматриваемых предложений и учитывая тот факт, что ему «принадлежит главная роль в выражении вопросительности» (Русская грамматика – 80), мы анализируем степень и характер неизвестного в соответствии с традиционной классификацией вопросов по неизвестному и выделяем четыре типа со значением вероятности, которые составляют содержательный объем предложений без компонента *или* и предопределяют семантику альтернативы. Принципиально важным с этой точки зрения представляется факт, что ответ *да/нет*, который подразумевается в качестве завершающего звена в дискурсивной имплицитной цепочке вопроса при наличии альтернативы, характерен для конструкций с целым рядом значений: когда одно из неизвестных наиболее вероятно, когда одинаково вероятно наличие или отсутствие действия, состояния, признака,

когда неизвестное сопоставляется с предшествующим, уже известным, когда неизвестное в том или ином смысле уподобляется предшествующему, уже известному. Ср.: «Образ – зеркальное отражение? [Нет]» (Вопр. психол.); «Заходер знал ваши стихи по публикациям?» (Вопр. лит.); «У тебя водка есть? [Спирт есть]» (Пелевин); «Саддама в тюрьме пытали?» (Комс. правда); «[Вы поступили в институт] А творческий конкурс вы не проходили?» (Вопр. лит.); «[По-вашему, по “зову души” никто не шел?] Сейчас тоже так?» (там же). Эта особенность предопределяет модальное значение ирреальности, реализуемое объективной модальностью. Причем следует отметить, что по сравнению с модальной семантикой вопросительных предложений с компонентом *или* данные конструкции отличаются повышенной степенью ирреальности. О правомерности такого вывода свидетельствует анализ фактического материала, функционирующего преимущественно в художественных текстах. Так, в большинстве из зафиксированных примеров ответ собеседника не отвечает коммуникативной функции вопроса: неизвестное не выясняется с помощью ответа, т. к. последний может или отсутствовать полностью, или выражаться не словесно, а с помощью жестов или мимики. Ср.: «[Баланду тебе дают?] Тихо...Афонцев строго посверлил его взглядом. И переспросил... (Маканин); «[Баланда горячая? Кормят?...Говядинку видал?] Енька заматал головой: - Говядинку?... Не было» (там же); «[Тебе хорошо со мной?] Люся закрыла глаза и чуть заметно кивнула» (Пелевин).

В отношении составных значений ситуативной модальности конструкций без компонента *или* наблюдается довольно показательный факт. В научном и публицистическом стилях вопросительные предложения со значениями ситуативной модальности фактически представлены единичными случаями, скорее подчеркивающими исключение из правил, например: «Можно представить себе развитие науки как последовательное накопление знаний? (Вопр. философ.); «Могли бы развиваться гуманитарные и естественные науки без языка?» (Филол. науки); «Хочешь в ВУЗ? Сдай ЕГЭ!» (Комс. правда); «К Горбенко нужно привыкать?» (там же). Художественные тексты, напротив, изобилуют конструкциями со значениями ситуативной модальности. Наиболее частотными в текстах художественного стиля являются конструкции со значениями желательности (функцию главного экспликатора выполняет глагол *хотеть*) и возможности (с глаголом *мочь* – в роли доминантного собственно модального модификатора). Ср.: «Хочешь быть его крестной?» (Робски); «Идти можешь?» (Улицкая); «Ты можешь оставить на кого-нибудь ребенка?» (Робски).

Весьма продуктивна среди вопросительных конструкций без компонента *или* группа предложений со значением субъективной модальности. Доминирующее положение среди конструкций с языковыми средствами, эксплицирующими субъективную модальность, занимают конструкции с вопросительными частицами *ли* и *а*. Частица *ли* характеризуется жанрово-стилистической маркированностью, поскольку большинство ее употреблений относится к монологическим текстам научного стиля. Ср.: «Способно ли

человечество познать смысл такого своего предназначения?» (Вопр. философ.); «Характерен ли он для сложившейся цивилизации?» (там же). «Обладают ли естественные науки общим методом изучения и объяснения сущности психики человека и животного?» (Вопр. психол.). Вторую, не менее продуктивную, разновидность вопросительных предложений без компонента *или* со значением субъективной модальности составляют конструкции с союзной частицей *а*, характеризующиеся стилистической немаркированностью. Ср.: «*А мертвым воскресать не прикажешь?*» (Улицкая); «*А преподаватели были интересные?*» (Вопр. лит.); «*А избиратели всегда бывают правы?*» (Комс. правда).

В *третьей главе «Модальная характеристика вопросительных предложений вторичной функции»*, состоящей из двух параграфов, рассматриваются модальная специфика и особенности реализации составных значений модальности вопросительных предложений вторичной функции, которые существенным образом отличаются от специфики и особенностей реализации значений модальности конструкций первичной функции. В основе семантики более ограниченных в количественном отношении (по сравнению с предложениями первичной функции) конструкций, в которых «вопрос не является по своей коммуникативной цели подлинным вопросом» (И.Б. Шатуновский), лежит явление экспрессии. С позиции модальности утрата вопросительными предложениями прямых функций и переизбыток эмотивности в их содержательной семантике становятся причиной очевидного «перевеса» субъективности в соотношении субъективность/объективность. Основным модальным значением вопросительных предложений вторичной функции, таким образом, становится субъективная модальность, на которую накладываются значения пропозициональной модальности, составляющие периферию.

Некоторая общность в семантике, функционировании и выражении модальных значений вопросительных предложений вторичной функции позволяет нам выявить закономерность проявления специфики значений объективной, ситуативной и субъективной модальности в рамках основных семантических групп вопросов и выделить две основные функционально-семантические группы вопросительных предложений в их вторичной функции: вопросительно-повествовательные и вопросительно-побудительные предложения.

В *первом параграфе «Модальные значения и специфика их реализаций в вопросительно-повествовательных предложениях»* рассматривается модальная специфика конструкций, передающих не вопрос, а сообщение. Анализ фактического материала показал, что в составе этой группы можно выделить риторические вопросы (обозначенные в классификации «Русской грамматики – 80» как вопросы, в которых заключены уверенные экспрессивно окрашенные утверждение и отрицание) и эмоциональные вопросы, объединяющие вопросы-уяснения и вопросы, выражающие эмоциональную реакцию говорящего (Русская грамматика – 80).



В подпараграфе 1.1 «Риторические вопросы» на основе особенностей указанных конструкций, заключающихся в том, что «говорящий ни о чем не спрашивает, не ищет никакой информации, а сам передает ее, завуалировав в вопросительную форму» (П. Рестан) рассматривается специфика выражения и соотношения объективно- и субъективно-модальных значений, а также их реализаций.

Так, следует отметить факт процесса семантической трансформации, происходящего на уровне объективно-модального значения, в результате которого субъективная модальность обретает «переносное» значение. Присоединяясь к мнению исследователей (И.Р. Гальперин, М.Э. Смитлена) о метафорической сущности рассматриваемых конструкций, мы считаем весьма показательным сделанный учеными акцент на «синтез, такую диффузию вопроса, возражения и утверждения, которые невозможно вычленить одно из другого, поскольку при этом разрушится весь смысл фразы» (Л.Ф. Бердник). Это дает нам возможность выделить специфический тип модального значения риторических вопросов – субъективно-объективно-модальное значение. Кроме того, анализ фактического материала позволяет отметить следующую особенность реализации субъективно-модального значения как одного из составных компонентов этого значения: роль логического выделения информации сообщения в риторических вопросах всегда выполняет не обычная эмоциональность, а, скорее, аффектация, изначально присущая этим конструкциям. В связи с этим вынесение на первый план демонстративности, требующегося показа второго голоса, второго, внутреннего «я» в ответ на предыдущую реплику в разговоре, дает возможность сделать вывод о том, что субъективно-объективно-модальное значение риторических вопросов характеризуется рядом оттенков субъективной аффектации в каждой конкретной репрезентации. Ср.: «Ну разве это не парадокс?» (Вопр. философ.); «Куда бы вы девались без этого с вашим прогрессом? Куда вы денетесь со всей вашей эволюцией «революции»?» (там же); «А что я сделал за это время? [Меня заели организационно-административные дела]» (Вопр. психол.).

В отношении к значению реальности/ирреальности логичным представляется определение модальности риторического вопроса не столько по форме наклонения изначальной конструкции, сколько по трансформированной форме, когда любое из наклонений гипотетически можно преобразовать только в изъявительное, благодаря чему модальность риторических конструкций, на наш взгляд, следует определять как реальную независимо от наклонения изначального представленного глагола. Ср.: «[А потом представитель «ЦУНАМИ» выдвинул Власенко] – А какой смысл тогда в вашем голосовании был?» (Калинингр. правда); «[...премьер-министра Польши, не устающего заявлять, что его страна хочет дружить с Россией] Почему бы не доказать это на примере Калининградской области?» (там же) = *надо/можно доказать*; «Логика поэта приблизительно такова: если стихи обычно записываются в столбик, а проза — в строку, то почему бы не попробовать наоборот?» (Вопр. лит.) = *можно/надо попробовать*.

Учитывая приоритетную роль процесса трансформации, когда риторическая конструкция обозначает противоположное значение, а любая форма склонения гипотетически преобразуется в изъявительное, с точки зрения категории вопросительной модальности не представляется целесообразным деление риторических вопросов на две традиционные подгруппы (включающие в себе утверждение и отрицание), поскольку процессы, происходящие как в семантике и функционировании, так и в реализации модальных значений этих конструкций, происходят по одному принципу, по одной схеме и с одним результатом.

В *подпараграфе 1.2 «Эмоциональные вопросы»* рассматривается модальная специфика конструкций, которые, в отличие от риторических вопросов, не претерпевают никаких семантических трансформаций, а лишь демонстрируют различного рода эмоции: удивление, недоумение, неодобрение, негодование и т.п. Анализ фактического материала, представленного весьма немногочисленными примерами, позволяет нам сделать вывод о том, что приоритет эмоциональных реакций в эмоциональных вопросах находит свое отражение и в особенностях реализаций составных модальных значений. Субъективная модальность, составляющая основу модальной семантики рассматриваемых конструкций, имеет «прямое», а не «переносное», как у риторических вопросов, значение, заключающееся в демонстрации адресантом собственной позиции на эмотивном уровне. Такие вопросы можно считать, на наш взгляд, наиболее эффективным способом неконфликтного поддержания речевого контакта, когда адресант косвенным образом «сигнализирует» адресату о своем эмоциональном комфорте. Ср.: «Что он, *не понимает*, как просто оскорбить даже самую преданную душу?» (Пелевин) можно ответить: *не понимает*; на вопрос «[Глупые крестьяне, вы искали правосудия в самозванце!] Но почто *не поведали* вы сего законным судиям вашим?» (Вопр. лит.);

«- Шо, деловой, шо ли?

...Он смерил молодого человека взглядом, *улыбнулся и вздохнул*.

- Деловой? – переспросил он. – Типа того» (Пелевин).

Общность в семантике и реализации основного модального значения субъективности в эмоциональных вопросах позволяет нам в своей работе объединить в одну группу традиционно рассматриваемые обособленно вопросы, выражающие эмоциональные реакции говорящих, и вопросы-уяснения.

Анализ исследуемого материала дает нам возможность отметить еще один немаловажный факт: уверенность адресанта в том, что его поймут адекватно, обусловлена специфичностью выражения разнообразных эмоциональных реакций, составляющих основу субъективного значения модальности, которая заключается в своеобразии одновременного соединения контекста, эмотивной лексики, ряда частиц, порядка слов и интонации. Ср.: «[Но если действия Грузии изначально были абсурдны, то соответствующим должен быть и ответ] Не воевать же со всеми, кому приличит?» (Извес-

тия); «[- У моей мамы рак] – Да ты что? [Каля тихонько заплакала в трубку]» (Робски); «*Начитавшийся* немцев и французов — первый славянофил?» (Вопр. лит.).

Еще более специфической реализацией вопросительной модальности, когда вопросительные конструкции представлены одним-двумя словами, характеризуется фактически безраздельно господствующая в содержательном объеме модальных значений субъективная модальная семантика вопросов-уяснений. Структурно-семантическая особенность указанных конструкций, состоящая в повторе «словесного состава предшествующей реплики», который «обычно осложняется эмоциональной окраской удивления, недоумения, беспокойства, неодобрения» (Русская грамматика – 80), предопределяет не только их функционирование лишь в текстах художественного стиля, но и чрезвычайно разнообразную эмотивную гамму оттенков субъективной модальности, наиболее продуктивную группу среди которых занимают отрицательные эмоции. Ср.: «- Это *брат* Светланы, – сообщила я ему.

- *Брат?* – переспросил он ошарашено» (Робски);

«Особенно Кобзаря возмутил следующий оборот: «а если этот *мудила* обидится на мою ворчливую статью...»

- Кто *мудила?* – *вскител* Кобзарь, схватил телефон и назначил стрелку...» (Пелевин).

Во *втором параграфе «Модальные значения и специфика их реализаций в вопросительно-побудительных предложениях»* рассматривается модальность вопросительно-побудительных предложений, представленных единичными примерами в текстах публицистического стиля. Ее сущность можно охарактеризовать как специфическое слияние субъективных значений вопросительных и побудительных конструкций, поскольку их несомненная прагматика определяет модальный рисунок этих конструкций: на субъективное значение экспрессивно окрашенных вопросительных предложений вторичной функции накладывается субъективность побудительной модальности. Ср.: «Вам не трудно было бы запомнить несколько цифр? Или мне записать их для вас?» (Аргументы и Факты); «Не подскажете ли, каков правовой статус договоров, заключенных на основе заведомо ложных сведений и сознательного обмана, Ваши Чести?» (Тридев. регион); «Не могли бы вы перед этим все-таки пояснить кое-что?» (Дворник).

В *заключении* излагаются основные результаты предпринятого исследования.

Обратившись к анализу одного из аспектов широкой семантической категории модальности – модальности вопросительного предложения, – мы основывались на принципе антропоцентризма и положении о том, что вопросительные предложения, в силу своей структурно-содержательной специфики, как нельзя более объективно и динамично отражают ту «живость языкового сознания, которая превращает язык в зеркало мира» (Н.Д. Арутюнова). Новое понимание языковой ситуации и, соответственно, новый подход к анализу различных аспектов модальности дают возможность рассмат-

ривать модальность вопросительной конструкции с учетом ее прагматического приоритета, а соответствующий анализ указанных конструкций на основе междисциплинарного подхода позволил признать правомерным наличие в вопросительной имплицитной дискурсивной цепочке как эксплицитно выраженного, так и имплицитно заложенного ответа. По этой причине мы считаем целесообразным закрепить за ответом (явным или неявным) статус неотъемлемого и ключевого компонента содержательной структуры вопросительного предложения, поскольку именно ответ может служить прагматической установкой, целью и гносеологической сущностью вопросительной конструкции.

Прагматический аспект вопросительного предложения, позволяющий говорить об отражении в его семантике обязательной направленности данной конструкции на получение ответа и находящий свое формальное выражение в наличии такового, позволяет определить в качестве базисного основания вопросительной модальности прагматический модальный пласт.

Очерченная рамками прагматического модального пласта, вопросительная модальность взаимодействует с рядом модальных значений, в качестве ключевых из которых следует, бесспорно, признать значения объективности/субъективности и реальности/ирреальности.

Наблюдение над функционированием вопросительных предложений в текстах различной жанровой принадлежности дает нам возможность выделить следующие основные типы значений вопросительной модальности в рамках указанных конструкций, которые соответствуют принципу «триединства»: объективную модальность, объективную модальность с наслоением значений ситуативной модальности, субъективную модальность.

Относительно реализации в вопросительных предложениях модальных значений реальности/ирреальности следует признать, что характер реализации вышеназванных значений имеет непосредственную соотнесенность с конкретным функционально-семантическим типом вопросительной конструкции, в рамках которого определяется и характер соотношения модальных значений вышеназванного «триединства».

Характер модальности вопросительных предложений первичной функции представляет собой упорядоченную систему соотношения трех составных модальных значений «триединства», где основу модальной семантики любого предложения составляет объективная модальность, значения ситуативной модальности обогащают ее значение, а субъективная модальность накладывается на вышеназванные значения и выводит семантику вопросительной конструкции на прагматический уровень.

Модальный же рисунок вопросительных конструкций первичной функции в рамках отдельных подгрупп всецело зависит от наличия/отсутствия в своем структурном составе формального вопросительного компонента.

Так, объективная модальность предложений с вопросительным компонентом реализуется в значении реальности. Среди основных значений ситуативной модальности

наиболее частотным является модальное значение возможности. Периферию занимают конструкции с модальным значением субъективности.

Главной особенностью семантики вопросительных конструкций без вопросительного компонента является наличие значения альтернативы. Благодаря этому объективная модальность этих предложений реализуется в значении ирреальности высказывания к действительности, причем наклонение глагола оказывается далеко не единственным критерием определения реальности/ирреальности конструкций, поскольку преимущество остается за семантикой альтернативы. Проведенный анализ фактического материала позволяет нам сделать вывод о том, что семантика гипотетичности, свойственная ирреальной модальности, находит свое выражение в двух формальных вариантах, представленных конструкциями с компонентом *или* и без такового компонента.

В вопросительных конструкциях с компонентом *или*, явственно обозначающих альтернативу из двух вариантов, лексическим экспликатором объективной модальности являются глаголы изъявительного наклонения прошедшего, настоящего и будущего времени. Частотность употребления конструкций со значениями ситуативной модальности весьма ограничена и представлена единичными случаями со значением необходимости. Доминантное же положение по частотности употребления занимают вопросительные предложения со значением субъективной модальности, среди которых следует отметить конструкции с парцелляцией и номинативные предложения.

Вопросительные конструкции без компонента *или*, передающие вероятностный характер и скрытую альтернативу из двух и более вариантов, отличаются повышенной степенью ирреальности. Относительно же области ситуативной модальности в этих конструкциях следует отметить строгую соотнесенность между функционированием предложения в текстах различной жанрово-стилистической принадлежности и частотностью употребления в речи конструкций с ее значениями. Так, в текстах научного и публицистического стилей подобные вопросительные предложения представлены единичными случаями, тексты художественного же стиля, напротив, ими изобилуют. Группа вопросительных предложений со значением субъективной модальности весьма продуктивна.

Модальная специфика составных значений модальности вопросительных предложений вторичной функции существенным образом отличается от аналогичной модальности конструкций первичной функции. Основным модальным значением вопросительных предложений вторичной функции является субъективная модальность, поскольку с позиции модальности утрата вопросительными предложениями прямых функций и переизбыток эмотивности в их содержательной семантике становятся причиной очевидного «перевеса» субъективности в соотношении субъективность/объективность. На значение субъективной модальности накладываются значения пропозициональной модальности, составляющие периферию.

Некоторая общность в семантике, функционировании и выражении модальных значений вопросительных предложений вторичной функции позволяет нам выявить закономерность проявления специфики значений объективной, ситуативной и субъективной модальности в рамках основных семантических групп вопросов и выделить две основные функционально-семантические группы вопросительных предложений в их вторичной функции: вопросительно-повествовательные (риторические и эмоциональные вопросы) и вопросительно-побудительные предложения.

Модальный рисунок вопросительно-повествовательных предложений весьма неоднороден. Так, в риторических конструкциях наблюдается процесс семантической трансформации, происходящий на уровне объективно-модального значения, в результате которого образуется специфический тип модального значения – субъективно-объективно-модальное значение, характеризующееся рядом оттенков субъективной аффектации в каждой конкретной репрезентации. Применительно к значению реальности/ирреальности логичным представляется определять модальность риторического вопроса как реальную независимо от наклонения изначально представленного глагола. Кроме того, с точки зрения категории вопросительной модальности деление риторических вопросов на две традиционные подгруппы: заключающие в себе утверждение и отрицание, – не представляется целесообразным, поскольку процессы, происходящие как в семантике и функционировании, так и в реализации модальных значений этих конструкций, происходят по одному принципу, по одной схеме и с одним результатом.

В эмоциональных вопросах субъективная модальность составляет основу модальной семантики и имеет «прямое», а не «переносное», как у риторических вопросов, значение, заключающееся в демонстрации адресантом собственной позиции на эмотивном уровне. Фактически безраздельно в содержательном объеме модальных значений господствует субъективная модальная семантика и в вопросах-уяснениях, общность в семантике и реализации основного модального значения субъективности в которых позволяет нам присоединить их к группе эмоциональных вопросов. Кроме того, следует отметить жанрово-стилистическую и количественную ограниченность употребления как вопросов-уяснений в связи с их преимущественным употреблением в текстах художественного стиля, так и в целом всей группы эмоциональных вопросов.

Модальность вопросительно-побудительных предложений можно охарактеризовать как специфическое слияние субъективных значений вопросительных и побудительных конструкций, поскольку их несомненная прагматика определяет модальный рисунок этих конструкций: на субъективное значение экспрессивно окрашенных вопросительных предложений вторичной функции накладывается субъективность побудительной модальности.

Таким образом, комплексное исследование как вопросительных предложений, так и реализующихся в них составных модальных значений, позволяет сделать вывод о

существовании особого типа модальности – вопросительной модальности, характеризующейся наличием прагматического основания, в рамках которого создается специфически неповторимая модально-семантическая палитра.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

1. Рагозина, Е.В. Существует ли вопросительная модальность как особый тип модальности? / Е.В. Рагозина // Семантические процессы в языке и речи: Материалы ежегод. научн. семинара аспирантов. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. С. 69 – 75 (0,4 п.л.).

2. Рагозина, Е.В. К проблеме классификации вопросительных предложений в аспекте категории модальности / Е.В. Рагозина // Семантические процессы в языке и речи: Материалы ежегод. научн. семинара аспирантов. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007. С. 97 – 103 (0,4 п.л.).

3. Рагозина, Е.В. Вопросительная модальность в аспекте междисциплинарного подхода / Е.В. Рагозина // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению: Материалы Междунар. науч. конф. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. С. 204 – 209 (0,4 п.л.).

4. Рагозина, Е.В. Специфика реализации модального значения ирреальности в вопросительных предложениях без вопросительного компонента / Е.В. Рагозина // Материалы по русско-славянскому языкознанию: Сб. науч. тр., посвященный 100-летию со дня рождения проф. В.И. Собинниковой. Вып. 29. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 2008. С. 131 – 139 (0,6 п.л.).

5. Рагозина, Е.В. Вопросительные предложения как экспликатеры современной русской языковой картины мира / Актуальные проблемы лингвистики, психолингвистики и лингводидактики [Электронный ресурс]: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. Н.И. Минякова. – Электр. дан. (39,9 Мб). Орск: ОГТИ, 2008 (0,3 п.л.).

6. Рагозина, Е.В. Вопросительная модальность как способ выражения русской языковой картины мира: Материалы Междунар. науч. конф. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2008. С. 78 – 82 (0,3 п.л.).

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, включенных в перечень ВАК:

7. Рагозина, Е.В. О составе модальных значений и особенностях их реализации в вопросительных предложениях / Е.В. Рагозина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. Выпуск 7. 2008. С. 33-38 (0,4 п.л.).

Рагозина Елена Владимировна  
Модальность вопросительных предложений  
в современном русском языке

Автореферат  
диссертации на соискание ученой степени  
кандидата филологических наук

Подписано в печать 12. 05. 2008 г.  
Ризограф. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 1,5  
Уч.-изд. 1,2 л. Тираж 90 экз. Заказ 78

Издательство Российского государственного университета им. И. Канта  
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14